

ЛЕГЕНДЫ
○
РОБИН ГУДЕ
для
детей

Художник
СЕРГЕЙ ГАВРИЛОВ

★ Книги
Вилли
Винки

Любимые мифы и сказки для детей

Народное творчество (Фольклор)

Легенды о Робин Гуде

«Издательство АСТ»

1940

УДК 821-93
ББК 84(0)-44

Народное творчество (Фольклор)

Легенды о Робин Гуде / Народное творчество (Фольклор) —
«Издательство АСТ», 1940 — (Любимые мифы и сказки для
детей)

ISBN 978-5-17-149491-9

Легенды о Робин Гуде, настоящем народном герое средневековой Англии, собрал и пересказал переводчик и писатель Михаил Гершензон. Книга выходит с иллюстрациями Сергея Гаврилова, многократного лауреата премии «Образ книги». Для младшего и среднего школьного возраста. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821-93

ББК 84(0)-44

ISBN 978-5-17-149491-9

© Народное творчество
(Фольклор), 1940

© Издательство АСТ, 1940

Содержание

Глава 1. О трёх святых отцах и милосердии Божиим	6
Глава 2. В которой рассказывается о четвёртом святом отце	13
Глава 3. В которой рассказывается о весёлой встрече старых друзей	20
Глава 4. О том, как Маленький Джон нанялся к шерифу в слуги	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Легенды о Робин Гуде (пересказ М. Гершензон)

© Гаврилов С., иллюстрации, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

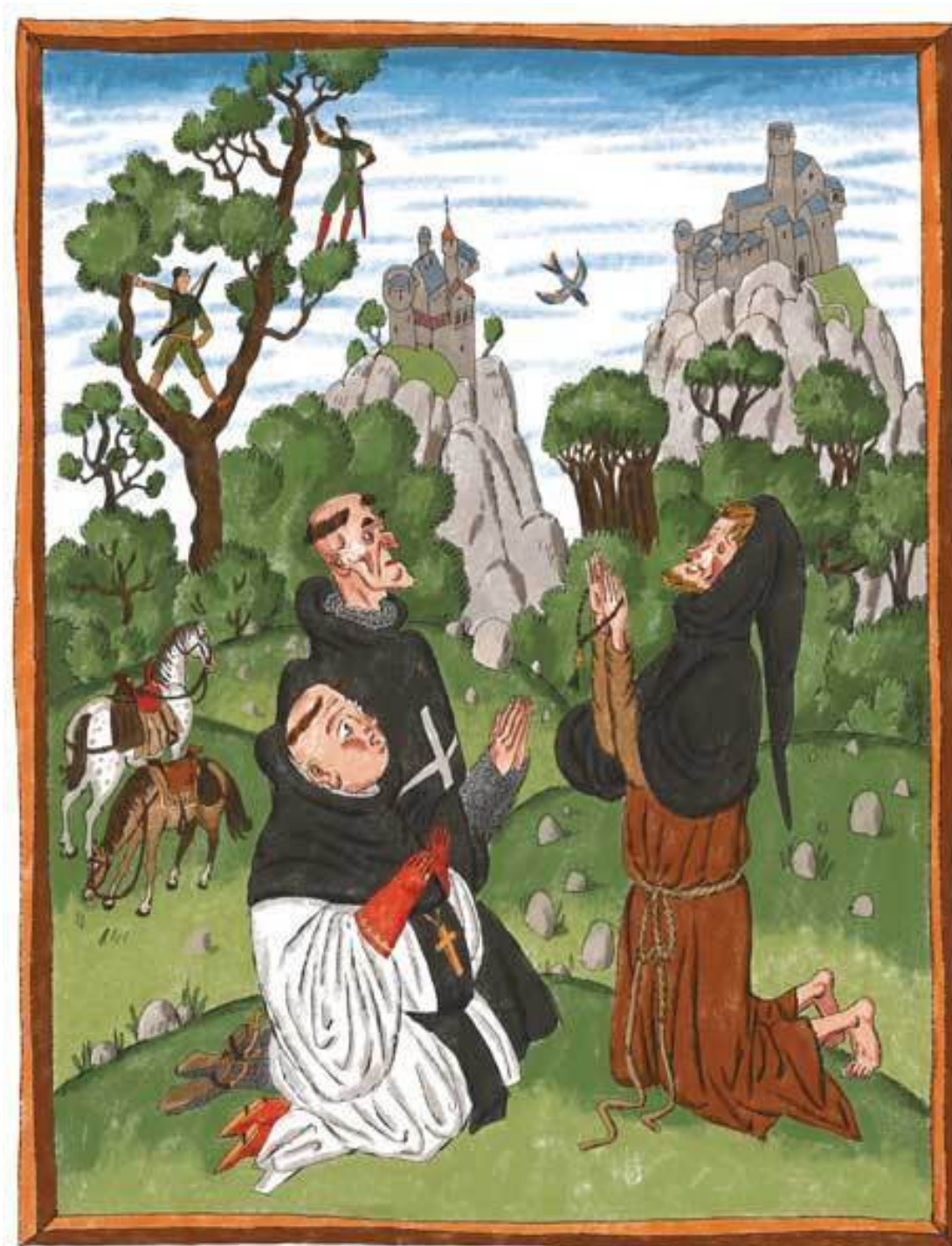
* * *

В XI веке Англию захватили норманны. Многие коренных жителей, саксов, согнали с привычных мест. Эта участь постигла и юного Робина. Он собрал отряд из таких же, как он, обездоленных, ушёл в леса и стал разбойником по прозвищу Робин Гуд. Случалось, что награбленное у богатых он раздавал беднякам. Англичане любят своего героя, а почему читатель узнает из народных баллад.

Глава 1. О трёх святых отцах и милосердии Божиим

*Двенадцать месяцев в году,
Двенадцать, так и знай!
Но веселее всех в году
Весёлый месяц май.*

Двенадцать, но самый весёлый – май! Зелёным шумом полны леса, но самый зелёный лес в Шотландии – Шервудский лес. Дождь обрызгал листву дубов, солнце торопится высушить землю, а в сырой прохладе лопаются за жёлудем жёлудь, гонят кверху ростки остролист и чертополох, пробивая зелёными стрелами рыхлую прошлогоднюю прель.

По узкой лесной тропе, то и дело пригибая головы и стряхивая с ветвей дождь радужных капель, ехали два всадника. Копыта лошадей глубоко уходили в разбухшие листья, мох и молодую траву.

Птицы звонко пересвистывались над головами путников, словно потешались над неуклюжей посадкой толстенького, который трусил впереди. Он болтался в седле из стороны в сторону, так что распятие подпрыгивало у него на груди. Капюшон его плаща сполз на затылок, открыв дождевым каплям и солнечным лучам блестящую круглую, как тарелочка, тонзуру.

Второй всадник, ехавший следом за ним, посмеивался, глядя, как короткие ножки его спутника беспомощно ловят подтянутые к самой луке седла стремена. Он одет был в такой же плащ, и такое же распятие висело у него на груди. Только поверх плаща и спереди и сзади нашито было по большому кресту.

Не только по этим крестам можно было узнать в нём крестоносца: он сидел на коне прямо, чуть-чуть подавшись назад, и даже монашеский плащ не мог скрыть его могучего роста и широких плеч. Это была посадка воина, привычного к седлу и к дальним походам.

– Подле острова Корсика, – говорил крестоносец, спокойно покачиваясь в седле, – подле острова Корсика водятся рыбы, которые, выскочив из моря, летают по воздуху. Пролетев около одной мили, они снова падают в море. Однажды Ричард Львиное Сердце приказал подать обед на палубе, и одна из таких летучих рыб упала на стол прямо перед королём...

«Так, так», – постучал дятел, повернув головку и недоверчиво посматривая на крестоносца.

Но тот продолжал:

– Диковинная рыба также камбала. Вы знаете, отец приор, это рыба великомученицы Агафьи.

Маленький всадник придержал лошадь.

– Почему же вдруг святой Агафьи, каноник? Я слышал, что камбала – это рыба Богоматери. Говорят, что Пречистая однажды пришла к рыбакам, которые вкушали от этой рыбы, и сказала им: «Накормите меня, потому что я – мать Божия». Но рыбаки не поверили и стали смеяться над нею. Тогда святая дева протянула руку к сковородке, на которой лежала наполовину съеденная рыба, и половинка рыбы оживила и запрыгала на сковородке. С тех пор камбалу и зовут рыбой Богоматери. А при чём тут святая Агафья?

– Не верьте, отец, – ответил каноник. – Такие басни выдумывают люди, которые не видели света и всю жизнь просидели в своём приходе. Я знаю совершенно точно, что камбала – это рыба святой Агафьи. Когда мы покинули Сицилию, нам случилось пройти мимо огненного острова Мунтгибель. Когда-то он изрыгал столько пламени, что возле него высыхало море и огонь сжигал рыбу. И однажды большой огонь вырвался из жерла горы Мунтгибель и двинулся к городу Катанаму, где почивали чудотворные мощи блаженной Агафьи. Тогда жители города Катанамы стеснились вокруг её гробницы и выставили её плащаницу против пламени. И огонь возвратился в море и высушил воду на расстоянии одной мили и сжёг рыбу. Немногие из рыб спаслись полусожжёнными – от них произошла камбала, рыба блаженной Агафьи... Что с вами, святой отец?

Маленький всадник так резко остановил свою лошадь, что конь каноника ткнулся мордой в её круп. Отец приор испуганно вглядывался в лесную чащу, словно увидел в кустах жимолости страшное чудовище.

– Что с вами, отец приор? – повторил свой вопрос каноник, убедившись, что ни справа, ни слева от дороги не видно ничего угрожающего.

– Скажите, каноник, – прошептал маленький всадник, – ведь это... ведь в этих лесах скрывается Робин Гуд?

Лёгкая тень пробежала по лицу крестоносца: может быть, просто птица пролетела между ним и солнцем, может быть, ветка, качнувшись, уронила на него прохладу.

– Ну и что же? Надеюсь, вы не боитесь жалкого разбойника, отец приор?

Очень тихо, точно опасаясь, как бы соседние дубы не услышали его слов, маленький всадник ответил:

– Боюсь, дорогой каноник. Вы ведь знаете, я не из храбрых. И потом, вы слышали, что говорил аббат в монастыре святой Марии? Они чаще всего нападают на нас, беззащитных слугителей церкви.

– Хотел бы я встретиться с этим хвалёным разбойником! – сказал каноник. – Не думаете ли вы, что он страшнее сарацин? Оставьте заботу, отец приор. Вот эта кольчуга, – при этих словах крестоносец распахнул свой плащ, – вот эта кольчуга отразила тучи стрел под стенами Иерусалима, а этот меч, – тут он выдернул наполовину из ножен короткий меч, – будет вам такой же верной защитой, какой был королю Ричарду на Аскалонских полях.

Дёрнув поводья, каноник объехал лошадь своего спутника и решительно двинулся вперёд. Отец приор потрусил за ним, стараясь не отстать ни на шаг. С полчаса они ехали молча.

Мало-помалу лошади ускорили шаг; солнечные сетки гораздо быстрее скользили теперь по лицам всадников, непочтительные ветви задорнее сбрасывали на путников пригоршни алмазов, и распятие всё яростней колотилось на груди неумелого ездока.

Деревья расступились, и лошади пошли рядом, голова к голове.

Отец приор оглянулся через плечо и прошептал:

– Вы знаете, каноник, почему я боюсь Робин Гуда? В день святого Климента убежал у меня ослушный виллан, Клем из Ключа. Прошёл слух среди моих людей, будто он ушёл к разбойнику в Шервуд. Плохо придётся мне, если я встречу его в лесу.

Горелый пень в сумраке леса часто прикидывается человеком, опустившимся на колени, а хитрые дрозды пересвистываются и вовсе разбойничьими голосами...

– Хотел бы я знать, о чём думает лорд шериф, – громко сказал крестоносец. – И что ему стоит прислать сюда десяток хороших солдат! Будь я на его месте, через три дня голова разбойника болталась бы на рыночной площади в Ноттингеме!

– Тише, тише, каноник, не искушайте PROVIDENCE. А я так думаю, что шериф ничего тут не может поделать. Ведь у Робин Гуда нора – под каждым кустом. Поди-ка его поймай, когда каждый виллан, каждый раб готов отдать ему свою шкуру на сапоги и в беде поминает прежде его, а потом уж святую деву.

Теперь то одна лошадь, то другая забегала вперёд, и всякий раз отставшей приходилось нагонять свою соседку.

– Да не спешите вы так, отец приор! – воскликнул наконец каноник, заметив, что его спутник окончательно выбился из сил. – Если вы будете так сильно болтаться в седле, у вас непременно лопнет подпруга. Бросьте поводья, пусть лошади отдохнут. Я не рассказывал ещё вам, как мы встретились в Средиземном море с кораблём сарацин?

Лошади пошли шагом; после быстрого бега они продолжали носить боками, шерсть на груди у них потемнела от пота.

Каноник перекинул ногу через седло и сел боком, обернувшись к своему спутнику.

– Завладев островом Кипром, мы двинулись к Аккре. Близ этого города мы заметили сарацинский корабль. Борта его были выкрашены зелёной и жёлтой краской, три высокие мачты уходили под облака. Мы узнали потом, что на этом корабле сарацины везли оружие всякого рода – пращи, луки, копья – и двести штук самых ядовитых змей на погибель христианам. Тучи стрел посыпались на нас. Наши галеры окружили корабль со всех сторон, но ничего не могли сделать. Король Ричард кричал изо всех сил: «Неужели вы дадите врагу уйти невредимым? Так знайте же: вы будете повешены тут же на мачтах, если сарацины уйдут живыми!»

Маленький всадник бросил восторженный взгляд на крестоносца, потом украдкой скользнул глазами по зарослям справа и слева от дороги и продолжал слушать рассказ.

– Эти слова придали нам храбрости, – рассказывал каноник. – «Смелее, воины Христовы!» – крикнул я. Мы накинули верёвки на руль вражеского корабля и по этим верёвкам взобрались на борт. Многим сарацины отрубили руки, многих сбросили в море. «На нос!» – крикнул я, расчищая мечом дорогу. Все мои товарищи пали, прославляя имя Господне. И я очутился один на носу корабля. Десяток кривых сабель...

Вдруг лошади стали.

От неожиданного толчка крестоносец, сидевший в седле боком, едва не упал.

Посреди дороги, протянув руку вперёд, стоял монах в изорванном, заплатанном плаще.

– Святые отцы, подайте нищему служителю Христову! – послышался голос из-под капюшона. – За весь день мне никто не подал ни фартинга на ужин.

Услышав смиренные слова, маленький всадник облегчённо вздохнул. Лицо его, мгновенно ставшее белым, снова оживилось. Он сунул было руку в кошель, когда крестоносец крикнул:

– Проваливай с дороги, монах! Нашёл у кого просить – у нищих служителей церкви! Нет у нас ничего, ступай своей дорогой.

Каноник тронул поводья и проехал мимо нищего. Но нищий догнал его одним прыжком. Сильной рукой он схватил лошадей под уздцы и остановил всадников.

– Святые отцы, – сказал он тихим, спокойным голосом, – неужели мы не заслужили у Господа Бога нескольких золотых монет? Братие, преклоним колена и воззовём к милосердию божию. Может быть, Господь услышит нашу молитву и ниспошлёт нам от щедрот своих на пропитание.

Каноник положил руку на рукоять меча. Но монах заметил это движение. Он тряхнул головой, и капюшон упал ему на плечи. Молодое, румяное лицо оказалось у монаха. Русая борода, ровные белые зубы под зазорными завитками усов. Крестоносец поспешно слез с коня. Его маленький спутник стоял уже на коленях, сложив руки на груди для молитвы. Неловко подгибая длинные ноги, каноник опустил рядом с ним. Тут и монах преклонил колена.

– Ну, братие, – сказал он, – вознесём молитву к престолу Всевышнего. Повторяйте за мной: «Господи Боже, внемли смиренным рабам твоим»...

Святые отцы перекинулись быстрым взглядом.

– Господи Боже, внемли смиренным рабам твоим... – дрожащим голосом прошептал приор, подняв глаза к небу, заслонённому яркой зеленью дубов.

– Господи Боже, внемли смиренным рабам твоим... – торопливо прошептал за ним каноник.

– ...и ниспошли нам на пропитание...

– ...и ниспошли нам на пропитание...

– ...золота...

Не смея повернуть голову, маленький путник искоса посмотрел на крестоносца. Тот, втянув голову в плечи и согнув дугой могучую спину, повторял побелевшими губами:

– ...золота...

– ...елико возможно больше! – громко воскликнул нищий монах, вскакивая на ноги.

– ...елико воз-змо-жно... больше, – холодея от страха, прошептали святые отцы.

– Отлично, братие! – сказал нищий. – Вы хорошо молились – видать, от чистого сердца. Уж, верно, Господь услышал нашу молитву. Давайте же, братие, осмотрим карманы наши и поделим по-братски всё, что послал нам Всевышний. Начну-ка я первый.

Лукаво посмеиваясь, нищий монах обшарил свои карманы.

– Гм! Видно, я грешен перед Господом Богом: у меня в карманах ничего не прибавилось после молитвы.

– И... и у меня ничего не прибавилось! – в один голос ответили святые отцы.

– Разве? А мне почудился звон. Ведь у вас ничего не было прежде, ни фартинга? Сдаётся мне, всё же молитва наша дошла до престола Господня. Посмотрим, посмотрим, чем одарило нас милосердие Божие... О! Да тут и впрямь что-то есть!

Так воскликнул нищий монах, вытаскивая из кармана крестоносца туго набитый кошель.

– А теперь у вас, святой отец!

Второй кошель, не менее пухлый, упал на траву рядом с первым.

Под пристальным взглядом нищего крестоносец скинул на землю свой плащ, разостлал его пошире и высыпал на него две пригоршни звонких монет. Он безропотно разделил их на три равные части.

– Блажен, кто верует! – воскликнул монах, сгребая с плаща свою часть золота. – Возблагодарим Господа за милосердие его!

Но святые отцы не стали молиться на этот раз.

Поспешно упрятав отощавшие кошельки, они вскочили на лошадей и помчались прочь.

Маленький всадник мешком повалился на шею своего скакуна и крепко вцепился руками в гриву. Зато крестоносец показал, как искусно умеют обгонять ветер храбрые победители сарацин.

Глава 2. В которой рассказывается о четвёртом святом отце

*И только монах зашёл в глубину,
Он Робина кинул в поток.
«Хочешь – поплавай, а хочешь –тони;
Тебе выбирать, паренёк!»*

Зелёная завеса скрыла всадников от глаз. Но нищий монах долго ещё прислушивался к затихающему вдали топоту копыт и треску валежника.

– Клянусь святым Кесбертом, – усмехнулся он, – эти молодцы потягаются в беге с любым оленем! Они слетят сейчас с обрыва в ручей – это так же верно, как то, что их золото звенит у меня в кармане.

Глухой всплеск подтвердил его догадку.

Раздвинув гибкие ветви орешника, монах достал из дупла векового дуба лук, колчан со стрелами и окованную железными кольцами дубину. Весёлая песня понеслась по лесу:

Жирные гуси, жареные гуси
Прямо с вертела в аббатство летят.
«Кому гусей горячих?» —
Святым отцам кричат.

Колчан скрылся под широким плащом, лук со спущенной тетивой повис за плечами. Монах зашагал по тропинке, вертя дубину над головой. Он шёл не спеша, лёгкой походкой, глубоко вдыхая запах лопающихся почек и свежей травы. Иногда он подкидывал дубину вверх, сшибая с прозрачного зелёного свода осколки радуг, запутавшихся в мокрой листве.

Где-то свистнула иволга, и монах ответил ей таким же звонким коленцем. Лесная тропа раздвоилась.

В последний раз монах бросил взгляд на следы подков и свернул вправо.

С каждым шагом лес становился гуще и глуше. Тропинка вилась ужом между кряжистыми стволами, нога то глубоко погружалась в сырой мох, то натыкалась на узловатые обнажённые корни лесных старожиллов. Солнце едва пробивалось сквозь густую листву.

Ловко ныряя под ветвями деревьев, перепрыгивая через упавшие стволы, монах пробирался всё дальше и дальше на север.

Тропинка давно пропала в подлеске, но монах не колебался в выборе дороги. На широкой поляне, окружённой шумной толпой лесных великанов, он скинул с себя вымокший до нитки монашеский плащ. Ярко вспыхнула на солнце малиновая куртка. Человек в малиновой куртке подбежал к молодому дубочку, который приподнимался к небу на самой середине лужайки, весело разминая ветви и пошевеливая листьями.

– Эге! – крикнул человек, остановившись перед весёлым деревцем. – А вот и моя стрела!

Дерево было пробито стрелой, когда ствол его был ещё гибок и тонок, как стебель. Стрела пробила дубок и засела в нём. А теперь ствол дерева окреп, поднялся кверху и унёс с собой стрелу. Человек в малиновой куртке поднял руку, но не дотянулся до стрелы.

– Подивился бы старый Генрих, если бы увидел, как вырос дубок за эти годы. И лука давно уже нет, который он подарил мне тогда за хороший выстрел, а стрела всё цела.

Он долго стоял не шевелясь, прислонившись плечом к молодому дереву.

Ящерица пробежала по мокрым ремням его сандалий и юркнула в траву.

– А какие глаза были у старика! – задумчиво сказал лесной бродяга и потрянул головой, точно хотел сбросить невесёлые мысли.

Порыв ветра качнул вершины деревьев, обступивших поляну.

– Да, Линдхерстский лес остаётся Линдхерстским лесом. Скоро будем к вам в гости! – воскликнул человек, отвечая дубам на поклон поклоном. – Сыщи тут, шериф, меня и моих молодцов.

Подмигнув ястребу, парившему в небе, он пустился в обратный путь. Монашеский плащ высох уже; ящерица скользнула по нему и спряталась в капюшоне.

Жирные гуси, жареные гуси,
Жареные утки с выводком утят
Прямо в аббатство,
В смиренное братство...

– Э, да мне сегодня удача! – рассмеялся лесной бродяга, спрыгивая с обрыва на берег ручья. – Поутру – два монаха, а вот и ещё один. Однако, чтобы наполнить его бренное тело, не хватит и бочки доброго эля...

Лесной бродяга бесшумными шагами направился к монаху, сидевшему на камне у ручья. Он подошёл к нему так тихо, что тот и ухом не повёл. Человек в малиновой куртке остановился, с удивлением глядя на грузную фигуру отшельника.

Грубый суконный плащ, прикрывавший его плечи, был так широк, что под ним легко спрятался бы изрядный стог сена. Вокруг давно не бритой тонзуры мелкими колечками курчавились рыжие волосы. Задумчиво уставившись на воду, монах перебирал тяжёлые свинцовые чётки.

– Хотел бы я знать, святой отец, – сказал вдруг человек в малиновой куртке, – хотел бы я знать, отец, много ли смирения помещается в таком здоровенном теле?

Медленно повернулась круглая голова на короткой шее. Монах поглядел на малиновую куртку маленькими сонными глазами.

– Смирение – мать всех добродетелей, – ответил он спокойно, без всякого удивления. – Будьте смиренны, яко агнцы, – так заповедал нам всеблагий Господь.

– Ну что ж, если ты и вправду смиренная овечка Христова, перенеси меня на тот берег, – приказал человек в малиновой куртке.

Ни слова не говоря, монах, точно слон, опустился перед ним на колени. Лесной бродяга взгромоздился к нему на плечи.

Шея монаха была так толста и крепка, что парню показалось, будто он уселся верхом на узловатую ветвь дуба. Свой лук и колчан он поднял над головой, чтобы не измочить их в воде. Дубинкой он помахивал в воздухе перед самым носом смиренного отшельника.

А тот, покорно склонив голову, шагал по воде. Талая вода ещё не сошла, и ручей был довольно широк и быстр, пеннистая струя разбилась о грузное тело монаха. Сперва вода доходила ему до колен, потом поднялась по поясу, по грудь.

– Но, но, осторожней, святой отец! Мне неохота купаться! – покрикивал на монаха ездок. – Небось вода холодна? А право, смирение – великая добродетель!

Между тем отшельник приближался к берегу. Человек, испытывавший его смирение, приготовился было спрыгнуть на землю. Но вдруг он почувствовал, что широкая рука святого отца стиснула его руку повыше локтя. Словно пёрышко монах снял его со своей шеи и опустил на берег.

– Брат мой, – сказал монах, подмигивая своему седоку, – смирение – великая добродетель. Не откажи, будь добр, перевези меня на тот берег.

– Ого! – рассмеялся лесной бродяга. – Ты, я вижу, тоже любишь хорошую шутку! Ну что ж, долг платежом красен. Держи повыше мой лук и стрелы, чтобы они не намокли.

– Ладно, ладно, уж я посмотрю. И дубинку мне дай заодно. Я, конечно, тяжеловат, но ты, видать, парень крепкий.

Человек в малиновой куртке присел немного, когда на него навалилась гора, одетая в мокрый суконный плащ. Он не прочь был бы скинуть в воду своего седока, да больно крепко стиснул коленками его шею святой отец. Отшельник весело помахивал в воздухе дубинкой, и длинные стихи из Священного Писания так и сыпались с его языка. Пошатываясь под тяжёлой ношей, лесной бродяга перебрался через ручей.

– А ведь ты и впрямь тяжёленек, – сказал он, ступая на берег.

– На всё воля Божия, – ответил отшельник, сползая с шеи своего нового друга. – Сколько ни умерщвляю плоть постом и молитвой, а всё же...

Но тут лесной бродяга одним прыжком вскочил на плечи святому отцу.

– Прокати меня ещё разок, приятель! Ты забыл, что мне надо на ту сторону, святой отец? Ну-ка, ну, поживей!

Он похлопал отшельника по тонзуре, как понукает лошадь хороший ездок. И, безропотно повернувшись, смиренный слугитель Христов снова вошёл в ручей.

К этому времени малиновая куртка впитала в себя столько воды, что стала пунцовой. Но этот цвет, очевидно, показался отшельнику недостаточно тёмным, потому что, дойдя до середины ручья, он вдруг так резко тряхнул плечами, что его седок взлетел в воздухе, кувыркнулся турманом и опустился уже не на широкую спину святого отца, а на неверную, пенистую поверхность потока. Молодец выскочил из воды с такой же быстротой, с какой вылетает из канавы брошенная туда ребятами кошка. Отшельник сидел уже на своём прежнем месте и, щурясь от яркого солнца, смотрел, как несётся к нему, вертя над головой дубину, парень в пунцовой куртке.

– Уж и выдублю я твою шкуру, святоша!

– Это нехитрое дело, – сказал монах, перебирая чётки, – нехитрое это дело – пересчитать рёбра смиренному служителю церкви, у которого всего и оружия, что молитва да чётки. А вот посмотрел бы я, как бы ты попрыгал, будь в руках у меня жёрдочка вроде твоей.

При этих словах парень в пунцовой куртке остановился и опустил дубину. А святой отец, не дожидаясь приглашения, нагнулся и вытащил из-под куста отличную палицу, также окованную железом и сверкавшую от долгого употребления. Мокрый плащ его упал на землю, а дубина взлетела в воздух и принялась выписывать хитрые восьмёрки над его головой. Лесной бродяга звонко рассмеялся.

– Ай да монах! – воскликнул он. – Вот это монах так монах!

Они закружились по поляне, обрушивая друг на друга град тяжёлых ударов. Но в руках хорошего бойца дубина – отличный щит. Стук пошёл по лесу, и пугливые синички поспешили вспорхнуть на самые высокие ветки. И как ни старались противники изувечить друг друга, дубина всегда встречала на пути другую дубину.

Кукушка прокуковала долгую жизнь одному и долгую жизнь другому. Два часа бились весёлые молодцы, и каждый прошёл добрых пять миль, отыскивая слабое местечко у своего врага; и пунцовая куртка стала малиновой снова, а кожаная куртка отшельника курилась паром, когда наконец дубина святого отца с размахухватила в самое темя молодца в малиновой куртке. Кровь потекла у него по лицу.

– Вот это удар так удар! – сказал бродяга, роняя дубинку. – За этот удар я, пожалуй, прошу тебе рясу.

Вскочив на ноги, он пустился к ручью, где лежал его лук. Не больше мгновения ему потребовалось, чтобы выхватить из колчана стрелу и натянуть тетиву. А когда он обернулся, святого отца уже не было на месте.

– Никак он провалился сквозь землю! – промолвил парень.

Но тут из-за старого дуба показался отшельник – в железном колпаке, с мечом при бедре и со щитом в руках.

– А я уж думал, что ты за святость свою вознесён в небеса, – сказал парень, вскидывая лук. – Давно не бил я в такую большую мишень!

Но мишень оказалась на удивление проворной: щит сверкнул на солнце, стрела скользнула по нему и воткнулась в землю, дрожа от злости.

– Ты зря перепортишь все свои стрелы, дружище, – сказал монах, отбивая с таким же проворством вторую и третью стрелу. – А пожалуй, они пригодятся ещё тебе на этом свете.

– За такое искусство я, пожалуй, прощу тебе и тонзуру, – сказал бродяга. – Но имей в виду, святой отец: стоит мне затрубить в этот рог – и четыре десятка моих молодцов будут тут раньше, чем ты успеешь прочесть отходную своей грешной душе.

– Не спеши трубить, Робин Гуд, – рассмеялся монах, – стоит мне свистнуть вот в эти два пальца – и десяток добрых псов будет тут, чтобы встретить твоих молодцов.

– Дай же мне обнять тебя, фриар Тук! Я обшарил весь Плюмптон-парк, чтобы найти причетника из Аббатава Риптона! Да свистни же скорей своих псов, чтобы я увидел, правда ли это, что собаки умеют на лету ловить пастью стрелы!

Тут Робин Гуд дунул в свой рог и протрубил в него трижды. И отец Тук вложил в рот два пальца, и оглушительный свист прорезал лесную чашу.

– Поглядим, поглядим, кто будет тут раньше, – промолвил монах, проверяя, целы ли железные кольца на дубине после хорошей драки.

И сразу с двух концов затрещали ветки в лесу.

Тридцать девять стрелков в зелёном линкольнском сукне вынырнули из густолесья. А навстречу им с лаем и воем, перепрыгивая друг через дружку, вырвались на лужайку к ручью дюжие рыжие псы.

Отец Тук одним словом смирил их ярость, и они улеглись, скрестив передние лапы, вывалив мокрые языки из зубастых пастей.

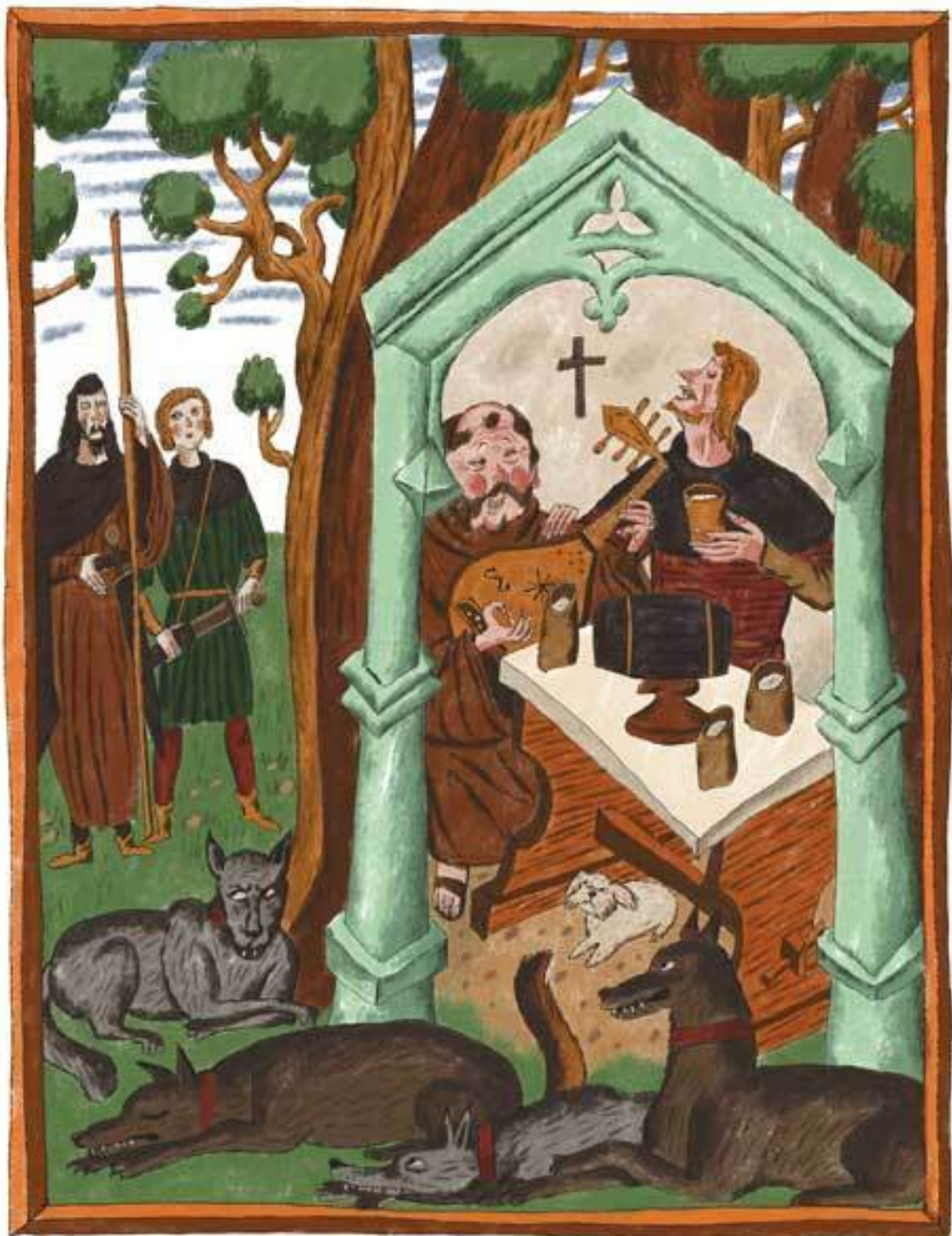
– Здравствуйте, молодцы! – сказал отец Тук, отирая со лба пот широким рукавом своей кожаной куртки. – Ради весёлой встречи первым долгом закон велит промочить горлышко кружкой доброго эля. В трёх полётах стрелы отсюда стоит моя скромная обитель. Олений бок, верно, ужарился в печи, если только не сгорел, пока мы с Робинот тут разминали кости. Это, конечно, скромная трапеза для сорока молодцов! Но, клянусь святым Дунстаном, не всех олений я перебил в королевских лесах.

Псы, сшибая друг друга с ног, понеслись вперёд по узкой тропке. Робин Гуд, обнявшись с отцом Туком, шёл впереди всех молодцов. В трёх полётах стрелы, там, где чаша казалась всего непроглядней, тропка вывела молодцов на просеку, к скромной обители отшельника.

Сложенная из вековых стволов изба окружена была широким рвом, наполненным водой. Толстые цепи поддерживали узенький подъёмный мост.

Глава 3. В которой рассказывается о весёлой встрече старых друзей

*И Робин обоих их за руки взял —
И ну вокруг дуба кружиться!
«Нас трое весёлых, нас трое весёлых,
Втроём будем мы веселиться!»*

– Клянусь святым Дунстаном, видно, как она растёт! – воскликнул Мук, сын мельника, обращаясь к своему соседу. Парень лежал на животе, подперев руками подбородок, и разглядывал пучок молодой травы, пробившейся на свет сквозь толстый слой прелого листа. – Кабы не обед, который урчит ещё у меня в брюхе, ей-ей, я принялся бы за свежую травку, как добрый конь!

– Вот ведь обжора! – рассмеялся Клем из Ключа. – А я так и думать не могу о еде. Право, служи я по-прежнему своему приору, мне хватило бы такого обеда до самого Михайлова дня.

– Охотно верю. Небось ты привык у него поститься и до Михайлова дня, и после.

Стрелки лежали на самом припёке у ручья, неподалёку от той лужайки, по которой недавно кружились Робин и отец Тук, стараясь пересчитать друг у друга кости своими дубинками. Тёмными заплатами по молодой траве разбросаны были зелёные плащи лесных молодых.

Кое-где ещё курились костры и потрескивало на углях недоеденное мясо. Многие спали, осоловев от вина и сочной оленины.

Из избытки отшельника донеслись весёлые звуки лютни. К тонкому звону струн присоединился густой голос отца Тука:

Если ты купишь мясо —
С мясом ты купишь кости.
Если ты купишь землю —
Купишь с землёй и камни.
Если ты купишь яйца —
Купишь с яйцом скорлупку.
Если ты купишь добрый эль —
Купишь ты только добрый эль!

– Пойдём-ка послушаем, как поёт святой отец, – предложил Клем. – Сдаётся мне, что он ладит с лютней не хуже, чем с дубиной и чаркой.

Псы, лежавшие на дороге, не шелохнулись при приближении стрелков. Перешагнув через псов, стрелки вошли в обитель отшельника.

Посреди грубого дубового стола стоял пузатый бочонок, окружённый недопитыми ковшами из воловьего рога. Почерневший деревянный Христос терпеливо смотрел со своего креста на отца Тука, перебиравшего струны лютни.

Робин Гуд, Маленький Джон и Билль Статли смотрели на святого отца с удивлением и восторгом, потому что толстые пальцы причетника с необыкновенной лёгкостью порхали по струнам, а песен в его зычной глотке был неистощимый запас.

– Сколько монахов видал на своём веку, а такого не видывал, – сказал Билль Статли, когда отец Тук кончил петь. – Скажи-ка, отец, ты какого монастыря? Если в твоём монастыре все монахи вроде тебя, я охотно выложу последний шиллинг за тонзуру и, клянусь девой Марией, до конца дней не нарушу устава вашей обители!

Отец Тук повесил лютню на колышек, вбитый в стену и лукаво усмехнулся.

– Что ж, – сказал он, – коли хочешь повидать мой монастырь, отправляйся прямой дорогой в Рамзей, в графство Гентингдоншир. Оттуда рукой подать до нашего монастыря. Ты спроси, как пройти в Аббатов Риптон, – тебе всякий мальчишка укажет. Только ежели случилось бы тебе добраться до Риптона, избави тебя Господь назвать там имя фриара Тука. Ибо в Священном Писании сказано: что посеешь, то и пожнёшь. А я посеял там хорошие колотушки.

– Билль, Билль! – укоризненно покачал головой Робин Гуд. – И не жаль тебе добрых товарищей, что собрался в монастырь? Если так не хватает тебе духовных наставлений, у нас будет отныне свой духовник, капеллан и келарь. Не так ли, святой отец?

– Уж больно легко принимаешь ты людей в свою дружину, – заметил отец Тук. – А ну как я вовсе не агнец божий, а наёмник Гая Гисборна или лесничий шерифа Ноттингемского?

– Не тревожься, фриар Тук, у тебя найдутся поручители, – раздался голос Маленького Джона. – Если доброе вино не отшибло у тебя памяти, может быть, ты вспомнишь виллана Рамзейского монастыря Джона Литтля?

– Ещё бы не помнить! Из-за него-то мне и пришлось попрощаться с Аббатовым Риптоном. Помню, конечно, помню! Парень был видный, на голову выше тебя, стрелок.

– Неужто повыше? – Робин Гуд бросил быстрый взгляд на своего товарища. – А я-то думал, что не родился ещё на свет человек выше нашего Маленького Джона!

– Повыше, повыше, – повторил монах, – да, пожалуй, и в плечах пошире. Даром, что ли, случилась у нас потасовка? Когда взгромоздил он на себя целый стог сена и сказал: «Благодарствуйте, сэра сенешал», я думал, старик наш тут и протянет ноги...

– Да ты расскажи толком, святой отец, – вмешался в разговор Клем из Ключа. – А то наплёл – ничего не понять. Что за сенешал такой и при чём тут сено?

– А сенешал – это управляющий в нашем маноре, в Аббатовом Риптоне. Я приставлен к нему был писарем и сумку носил с писульками. – Отец Тук кивнул на большую кожаную сумку, подвешенную к потолочине. – Пришли мы с ним на заливной луг в Готоне – принять работу у косарей. Этот самый Джон Литтль отбывал в тот день барщину и принёс с собой косу длиной в добрых семь футов, а окосье – с хорошую оглоблю. Сенешал мой было обрадовался, потому что Джон Литтль одним взмахом скашивал больше, чем трое других. Надо вам знать, что у нас испокон веку такое правило: в сенокос получает виллан за день работы столько сена, сколько поднимет на рукоятке своей косы. А если окосье сломается или коснётся земли, он

теряет сено и уходит ни с чем. Так вот, этот самый Джон Литтль, как кончил работу, поднял на своей оглобле целый стог сена, и коса не сломалась и не коснулась земли. «Благодарствуйте, сэра сенешал». И пошёл прочь. А мой сенешал кричит: «Стой! Нет правила, чтобы такая была коса». Он крикнул людей, и началась тут драка. Сенешал на меня накинулся: «Ты что стоишь, как дубина?» Я говорю: «Не могу, мне надо сумку беречь». Он у меня хочет взять сумку, а мне не понравилась его повадка – вижу я, Литтль прав. Стукнул я сенешала сумкой по голове. Он обмер. Я одного, другого сшиб с ног и распрощался с проклятым Риптоном. Всего и осталось на память, что сумка да десяток пергаментных свитков.

– Порадовались небось ваши вилланы пропаже! – сказал Робин Гуд. – А ну-ка, фриар, покажи нам эти грамоты.

Стрелки с любопытством склонились над телячьей сумкой бывшего риптонского писаря. Отец Тук вытащил из неё пачку желтовато-серых свитков. Лица стрелков побледнели, глаза заблестели, а брови нахмурились, потому что каждый из них был когда-то вилланом и знал, чего стоят эти узкие полоски кожи.

– Вот он, хирограф Джона Литтля, – сказал отец Тук, раскатывая на столе ленту грубого пергамента, изрезанную по краю неровными зубцами.

– А ну-ка, почитай, почитай, – вздрогнув, сказал Маленький Джон и положил руку на стол, придерживая конец упругого свитка. – Посмотрим, сколь ты силён в грамоте, фриар!

Отец Тук хлебнул эля и принялся читать:

– «Джон Литтль держит одну виргату земли от Рамзейского монастыря. Он платит за это в три срока. И ещё на подмогу шерифу – четыре с половиной пенни; при объезде шерифа – два пенни сельдяных денег. И ещё вилланскую подать, плату за выпас свиней, сбор на починку мостов, погайдовый сбор, меркет, герьет и герзум. На Рождество – один хлеб и трёх кур в виде рождественского подарка; на пасху – двадцать яиц; за право собирать валежник – двух кур...»

Отец Тук читал, медленно покачиваясь из стороны в сторону.

Клем из Клю, присев, внимательно смотрел ему в рот: искусство чтения удивляло его куда больше, чем искусство, с которым монах владел дубиной.

Билль Статли, и Мук, и Робин, точно сговорившись, перевели взгляд с пожелтевшего пергамента на вечерние облачка – золотые кораблики, скользившие в вышине по вершинам дубов.

– «...Каждую неделю, от праздника святого Михаила до первого августа, Джон Литтль должен работать в течение трёх дней ту работу, какая будет ему приказана...»

– Мы работали на господина по понедельникам, вторникам и средам, – задумчиво сказал Билль Статли.

– «...Если ему будет приказано молотить, то за один рабочий день Джон Литтль должен обмолотить двадцать четыре снопа пшеницы или ржи или тридцать снопов ячменя...»

– Вот и у нас было тридцать, – кивнул молодой Мук.

– «...А при расчистке старой канавы он должен прокопать ров длиной в одну роду... Джон Литтль должен собрать за один рабочий день две связки хвороста и пятнадцать связок терновника. Он должен вспахивать каждую неделю, от праздника святого Михаила до первого августа, по одной полосе совместной плуговой запряжкой с другими вилланами».

Облачка в небе вспыхнули малиновым огнём. С каждой строчкой новые и новые повинности обрушивались на несчастного виллана. Они оплетали его со всех сторон бесконечной паутиной.

Каждое слово напоминало стрелкам о кабале, от которой они бежали в леса, и всё выше и выше поднималось небо над избушкой отшельника, и привольнее шумели тронутые багрянцем вершины деревьев.

Никто не заметил, как Маленький Джон, порывшись за пазухой, вытащил оттуда измятый, пропитанный потом клочок пергамента.

– «...В обычные же сенокосные дни, – читал фриар Тук, – он получает столько сена, сколько может поднять на рукоятке косы, так, чтобы коса не коснулась земли...»

Тут Маленький Джон швырнул на стол свою грамоту.

– А ну-ка, святой отец, проверь, не сойдутся ли мои зубцы с твоими!

Десяток широких ладоней сразу притиснул обе полосы пергамента к столу.

Зубцы свитков сдвинулись и сошлись вместе так точно, будто нож только что раскроил грамоту на две половины.

– «...Джон Литтль держит одну виргату земли от Рамзейского монастыря...» – эту строку прочёл отец Тук на клочке пергамента, брошенном на стол Маленьким Джоном. Он поперхнулся от изумления и вытаращил свои маленькие глаза на стрелка.

– Ну-ка, приглядиись, фриар Тук, правда ли это, что твой Джон Литтль был на голову выше меня? И в плечах пошире?

– А... а... а, пожалуй, что я и приврал, – отирая со лба пот, пробормотал отец Тук, и дружный хохот покрыл его слова.

Робин Гуд налил полный ковш и поднял его высоко над головой.

– За весёлый Шервудский лес! – воскликнул он. – За королевских оленей и наши меткие стрелы! За тридцать девять моих молодцов и за сорокового – фриара Тука!

Но фриар Тук решительно затряс головой.

– Погодите пить за фриара Тука, – сказал он. – Я не могу сейчас вступить в дружину. Честный человек должен держать свои обеты. У меня есть ещё должок перед святым Кесбертом, и, пока я не расплачусь с этим долгом, я над собой не волен.

Робин Гуд насупился и с досадой посмотрел на отца Тука.

– Какой же это обет ты дал святому Кесберту? Отправиться в Святую землю защищать Гроб Господень?

– Нет, Робин, до Гроба Господня посуху не пройдёшь, а морем – какой корабль выдержит тяжесть такого брюха? Я поклялся святым Кесбертом отправиться в Ноттингем на состязание лучников и доказать всему свету, что лук в руках хорошего монаха посылает стрелы в мишень несколько не хуже, чем в руках королевских стрелков. Состязание начнётся в пятницу, так что нынче ночью мне нужно пуститься в путь.

Робин Гуд ухмыльнулся, покручивая ус. Он кивнул головой.

– Такие обеты мы уважаем, фриар Тук. Такие клятвы нужно держать твёрдо. Но только, сдаётся мне, но в обиде будет святой Кесберт, если вместо тебя в Ноттингем отправится Маленький Джон. Ведь он ещё не расплатился с тобой за стог сена, который с твоей помощью унёс с заливных лугов.

Тут Робин подмигнул Маленькому Джону; тот поднял свой лук, натянул и спустил тетиву. Тетива пела.

– Клянусь святым Кесбертом, – воскликнул стрелок, – я заплачу твой долг сполна, фриар Тук! Дай мне стрелу из твоего колчана.

Отец Тук не заставил себя долго упрашивать. С притворным вздохом он протянул Маленькому Джону сплетённый из ивовых прутьев колчан. Тот вытащил стрелу и внимательно взвесил её на ладони. Потом сунул её обратно в колчан и выбрал другую, потяжелее. Широкий железный наконечник блеснул, как остро отточенный нож.

– Хороша, – сказал Маленький Джон, – пряма и устойчива на ветру. – Он сравнил с нею стрелу из своего колчана. – Можно подумать, что их делал один стрельник. Не хромой ли стрельник из Трента?

– Он самый. Кто же ещё умеет сделать такую стрелу? Но у тебя теперь две одинаковые. Смотри же не спутай, помни, какая из них моя.

– Не беспокойся, фриар, святой Кесберт будет доволен.

Робин Гуд поднёс к губам свой рог. Трижды протрубил рог. И не успел ещё звук его затихнуть в глубине леса, весёлая вольница собралась перед домом отшельника. Дружным криком приветствовали стрелки нового соратника – фриара Тука. Потом, рассыпавшись по чаще, двинулись к Шервудскому лесу.

По лесной тропе шли только Робин, отец Тук и Маленький Джон, а впереди них, широкой грудью раздвигая орешник, трусили псы святого отца.

Теперь кончилось время шуток. Робин Гуд толковал с друзьями о серьёзных делах. Он говорил о том, что шериф Ноттингемский всё теснее смыкает кольцо вокруг горсти отважных стрелков.

– Мы можем уйти в Линдхерстский лес, – говорил Робин. – Но что в этом толку? Нас только четыре десятка. А рабов в весёлой Англии...

Он не кончил фразы и некоторое время шёл молча. Потом потрянул головой.

– Ступай, ступай в Ноттингем, Маленький Джон, – сказал он вдруг. – Постарайся разведать, что замышляют наши враги. Мы должны знать наперёд, откуда грозит нам удар. Я подниму вилланов в Сайлсе и в Вордене. А пока... пока мы должны беречь наши силы, потому

что во всей весёлой Англии – только четыре десятка свободных людей, только четыре, только четыре десятка...

Верхушки дубов и каштанов ловили ещё последние лучи солнца, но в лесу уже было темно.

Глава 4. О том, как Маленький Джон нанялся к шерифу в слуги

*Хольдернес – родина моя,
А имя мне – Гринлиф.
Рейнольд Гринлиф, Зелёный Лист, —
Так звать меня, шериф.*

Чьё-то длинное тощее тело болталось на виселице, вертясь веретеном под резкими ударами ветра. На перекладине, охорашиваясь, чистила клюв ворона.

Маленький Джон крепче сжал лук в руке и, стиснув зубы, чтоб не вдыхать отравленный воздух, пустился бежать. Он едва касался земли, спеша уйти подальше. Когда сердце гулко застучало о рёбра, он раскрыл рот и глубоко вздохнул. Запах смерти остался позади.

Вторая виселица ждала своей жертвы. Ветер раскачивал верёвочную петлю. Красное, истерзанное вороньём тело болталось под третьим глаголем.

А вот и четвёртый, и пятый...

Это значит, что близко Ноттингем.

Упряжка из восьми волов протащила по дороге перевёрнутый лемехом кверху тяжёлый плуг.

Повозка горшечника прогромыхала навстречу.

– На праздник, стрелок? – окликнул Джона возница. – Торопись, народ собирается.

У северных ворот посреди поля возвышался ступенчатый помост для шерифа и знатных горожан.

Несмотря на ранний час, толпа простолюдинов широким кольцом окружала уже стрельбище. По случаю праздника святого Андрея ремесленный и торговый люд отдыхал от трудов.

Крестьяне из соседних деревень спешили к городским стенам посмотреть на весёлое состязание. В этот день они были свободны от барщины и не смели работать на своей земле.

У коновязи, позванивая цепями, лениво жевали овёс низкорослые лошадёнки. Вокруг повозки мясника собрались лучники, прибывшие на праздник.

Свесив ноги с повозки, мясник о чём-то спорил с ними.

Маленький Джон узнал среди лучников Чёрного Билля, лесничего Бернисдэльских лесов. Встреча со старым знакомым не сулила ничего хорошего. И Маленький Джон остановился поодаль, облокотившись на коновязь. Опытным глазом он осмотрел своих соперников, а затем их оружие.

Тут были разные луки: и короткие, которые держат при стрельбе впереди себя и натягивают к груди, и длинные, шестифутовые, из испанского тиса и клопа, простые и покрытые лаком, с роговыми накладками, – но Маленький Джон мог бы поклясться своей головой, что ни у кого здесь нет лука, сработанного Рудольфом Краком из Эльсби, а в кожаных и плетёных колчанах нет ни одной стрелы, выточенной хромым из Трента.

Имя Робин Гуда вдруг долетело до слуха Маленького Джона. Позабыв осторожность, он подошёл к повозке мясника.

– Что же ты думаешь, – говорил мясник, обращаясь к тощему, как жердь, лучнику, – разве можно так выстрелить без помощи нечистой силы? Этому я ни за что не поверю. В нашем приходе есть один пилигрим, который обошёл весь свет, человек святой жизни: и у Гроба Господня был, и на горе Сион, и в Вифлееме, и пальмовые листья принёс из земли Иерихонской. Уж он-то знает. Он говорит, что стрелок, продавший душу дьяволу, берёт святое распятие, как мишень, и стреляет в него стрелами. Он пускает в Спасителя три стрелы, и дьявол даёт этим стрелам твёрдый прицел. Из распятия брызнет на них пречистая кровь, и потом эти стрелы не знают промаха, потому что дьявол направляет их полёт.

– Только три стрелы, говоришь ты? А как же с другими стрелами? – спросил тощий лучник, сдвигая на затылок лисью шапку и отирая вспотевший лоб.

– Другие стрелы могут попасть в цель, а могут пролететь мимо. Пустив эти три стрелы, колдун стреляет уже несколько не лучше, чем всякий другой человек.

Мясник, откинув голову назад, приложился к большой кожаной бутылки. Стрелки, глотая слюну, с завистью слушали, как булькает у него в горле вино.

– А почему же Робин Гуд всегда стреляет без промаха? – спросил тощий лучник. – И в четвёртый, и в сотый раз?

– Почём ты знаешь, что он стреляет без промаха?

– Люди так говорят.

– Они ошибаются, – уверенно махнул рукой мясник. – Первые три стрелы убивают наверняка, остальные уже не во власти дьявола. Зато он может тебе отвести глаза. Когда колдун стреляет простыми стрелами в неживую мишень, дьявол может отвести глаза, и тебе покажется, будто стрела попала в цель. Выдерни такую стрелу из мишени и брызни на неё святой водой, она тотчас же обратится в дым. А если колдун стреляет простой стрелой в человека, сотвори молитву, и стрела пролетит мимо.

– Это правда, – подтвердил Чёрный Билль, моргнув косыми глазами, блестящими, как уголь. – Меня однажды молитва спасла от стрел Робин Гуда. Я попался его бродягам в руки, они приставили меня к дубу и стали стрелять. Я сотворил молитву, и Господь отвёл от меня их стрелы. Целую тучу стрел пустили разбойники, и ни одна не задела меня...

Лучники переглянулись.

– Так-таки ни одна не задела? Неужто все пролетели мимо? – раздался недоверчивые голоса.

Лицо лесничего покраснело.

– Клянусь покровителем моим, святым Робертом, стрелы втыкались так близко, что я не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, моё платье было пронизано ими, по ни одной царапины не унёс я на теле.

– Клянусь святым Кесбертом, Чёрный Билль говорит правду! – воскликнул Маленький Джон, не удержавшись от смеха. – Он похож был на телячью шкуру, растянутую на доске у кожевника!

Лучники дружно расхохотались. Чёрный Билль, узнав старого врага, схватился было за нож, но Маленький Джон мгновенно выхватил стрелу из колчана.

– Постой, косоглазый! Ты забыл помолиться, чтоб Господь спас твою шкуру.

– Берегись, мы теперь не в лесу! – угрожающе прошипел лесничий.

– Ты-то вернёшься в лес, – усмехнулся тощий лучник. – Спрячь поскорее свой нож, не то заржавеет. И язык держи за зубами, пока шкура без дыр. А ты, парень, – обернулся он к

Джону, – покажешь своё искусство через часок. Не тревожь тетиву понапрасну... Ну-ка, ну-ка, мясник, расскажи нам ещё про колдовские стрелы.

Чёрный Билль, насупившись, отошёл в сторону. А мясник принялся рассказывать, как в их приходе, подле Донкастера, один колдун, желая иметь неминуемые стрелы, выстрелил на перекрёстке трёх дорог в деревянное распятие и пронзил Спасителя прямо в грудь. И тотчас же из раны вырвалась красная молния, и преступник упал, поражённый небесным огнём...

Но в это время из ворот города вышла в торжественном порядке, с шерифом и его женой во главе, толпа по-праздничному разодетых рыцарей и горожан. И мясник забыл рассказать, что случилось с распятием и с колдуном, а слушатели его забыли о том, что рассказ не кончен. Все смотрели, как рассаживаются по местам знатные зрители.

– Так вот он каков, шериф Ноттингемский! – повторял Маленький Джон, не сводя глаз с высокого старика, одетого в пурпурную, расшитую золотом мантию. – Так вот он каков, Ральф Мурдах, завтрашний мой господин! Постой, погоди, шериф, сыграем мы с тобой весёлую штуку!

Герольд протрубил в серебряный рог.

Лучники отделились от толпы и выстроились в ряд у подножия деревянного помоста.

К ним присоединился десяток стрелков из стражи шерифа, в тяжёлых шлемах и кольчатых железных рубахах. За двести ярдов поставлена была мишень – доска с тремя нарисованными кругами.

Народ нетерпеливо шумел, пока лучники метали жребий и устанавливали порядок стрельбы. Маленький Джон улыбнулся, когда жребий поставил его в одну пару с Чёрным Биллем.

Наконец приготовления были окончены. Солнце грело лучникам спины и ярко освещало мишень. Прозвенела первая тетива, и стрела вонзилась в третий, самый широкий круг. Вихрастый мальчуган, не в силах пробиться сквозь тесную цепь толпы, просунул голову между ногами одного из зрителей.

– Плохой выстрел, – с видом знатока сказал он приятелю, сидевшему на земле под самым канатом. – Дядя Бен говорит: нужно с трёх выстрелов дважды ударить в самый маленький круг, в воловий глаз, чтобы стрелять по второму разу.

Маленький Джон забавлялся, глядя, как долго целятся слуги шерифа и как плохо слушаются их стрелы.

Средний круг ошетинился уже дюжиной стрел, а воловий глаз всё ещё был не тронут.

Тощий лучник в лисьей шапке, споривший прежде с мясником, первый попал в середину мишени. Две стрелы, почти не целясь, он всадил в воловий глаз, третья пошла вкось и воткнулась в широкий круг.

Кто-то в толпе захопал в ладоши.

– Ястреба видать по полёту, – ухмыльнулся Маленький Джон. – Бьюсь об заклад, парень набил себе руку на королевских оленях!.. Ну, Чёрный Билль, покажи честному народу, как стреляет королевский лесничий.

– Уж не хуже вашего брата! – огрызнулся Чёрный Билль и шагнул к черте.

Лесничий долго-долго прицеливался.

Он сощурил глаза в узкую щёлку, и от этого его лицо, обросшее чёрной как смоль бородой, искривилось в смешную гримасу.

Стрела сорвалась с тетивы и вонзилась в воловий глаз.

– Bravo, Билль! – закричали в толпе. – Гляди не промажь во второй раз!

Лесничий снова поднял лук. Он оттянул тетиву до правого уха и застыл, прищурясь.

– Да ну стреляй! Вконец окривеешь!

Но Чёрный Билль не выстрелил.

Он проворчал что-то в бороду, бросил на землю свою стрелу и достал из колчана другую.

Лесничий так старательно прицеливался, словно с трудом нащупывал в воздухе узенькую дорожку к мишени. И вторая стрела впилась в воловий глаз рядом с первой.

Не обращая внимания на крики восторга, Чёрный Билль сунул палец в рот, послюнил его и поднял над головой. Он проверял направление и силу ветра. И третья его стрела так же долго выбирала дорогу и так же верно её нашла, как первые две.

– Три из трёх! – объявил начальник городских стрелков, наблюдавший за ходом состязания.

Чёрный Билль отвесил низкий поклон в ту сторону, где сидел шериф, потом насмешливо глянул на Маленького Джона.

– Вот как стреляют лесничие королевских лесов! – сказал он. – Ну-ка, сделай получше, бродяга!

Но Маленький Джон не хотел раньше времени показывать своё искусство. Ему нужно было только получить право участвовать во второй стрельбе.

Небрежной походкой подошёл он к черте и с такой быстротой спустил все три стрелы, что первая ещё дрожала, когда третья ударила в мишень.

– Пресвятая Дева! – воскликнул мясник, вытянувшись во весь рост на своей повозке. – Он высыпал их, как горох! Ещё маленько, они догнали бы одна другую.

– Две из трёх! – объявил начальник стрелков и приказал людям поставить вторую мишень.

– Вот теперь мы с тобой потягаемся, – сказал Маленький Джон лесничему, когда слуги отсчитали от черты триста тридцать ярдов, воткнули в землю шест и повесили на нём кольцо, сплетённое из ивового прута.

Восемь лучших лучников дожидались, чтобы герольд протрубил в свой рог: три стрелка ноттингемского гарнизона, трое лесничих, тощий лучник в лисьей шапке и Маленький Джон.

Рыцарь, сидевший подле шерифа, встал, скинул с плеч конскую шкуру, которая прикрывала блестящую кольчугу, и потребовал, чтобы ему дали лук. Он тоже хотел принять участие в народной забаве.

– Гай Гисборн! Гай Гисборн! – пронеслось в толпе.

– Где это видано, чтобы стрелять по второй мишени, не стрелявши по первой? – сказал с досадой тощий лучник. – Нет такого закона!

– Чудак! – пожал плечами Маленький Джон. – Для господ закон не писан.

Стрелки расступились, уступая дорогу рыцарю. Маленький Джон проводил его глазами. Он слышал, что Гай Гисборн поклялся изловить Робин Гуда и две недели кряду рыщет в лесах, надеясь напасть на его след.

Герольд протрубил начало второй стрельбы.

Рыцарь бросил наземь перчатки, поднял лук и выстрелил.

– Сэр Гай Гисборн! – воскликнул шериф. – Я вижу, вы стреляете из лука так же отлично, как владеете мечом и копьём на турнирах. У вас глаз столь же верный, как сердце.

Стрела, пущенная рыцарем, пронзила кольцо и воткнулась в шест. Он выстрелил снова, но на этот раз промахнулся.

– Проклятый лук никуда не годится! – сказал рыцарь и швырнул лук в сторону с такой силой, что, ударившись о землю концом, лук высоко подпрыгнул и лопнувшая тетива громко хлопнула.

Шериф поспешил успокоить своего друга:

– Не горячитесь, сэр Гай. Во всяком деле нужна привычка, и всё же вы с первого раза взяли верный прицел. Смотрите, моим стрелкам не везёт сегодня.

И правда, стрела за стрелой пролетали мимо мишени, и лучники один за другим покидали поле под весёлые крики и насмешливый свист толпы.

Только трое стояли теперь у черты: тощий стрелок, Чёрный Билль и Маленький Джон. Тощий стрелок всадил одну стрелу в шест рядом со стрелой Гая Гисборна. Ветер отнёс в сторону вторую и третью.

– Ну, ребята, ложитесь спать: Чёрный Билль начинает щуриться!

– Билль! Слышишь, цыган? Пососи пальчик ещё разок – авось высосешь счастье!

– Клянусь Господом Богом, хитрое дело – стрелять в такую мишень!

– Смотрите, смотрите, он метит в сторону, чтобы обмануть ветер!

– И кверху, чтобы взять мишень на излёте!

Целиться было трудно: ветер усилился, а к тому же на таком большом расстоянии метить надо было много выше мишени, чтобы стрела описала в воздухе широкую дугу и уже на излёте ударила в цель.

В первый раз Чёрный Билль взял прицел слишком низко, во второй – чересчур высоко.

В третий раз лесничий целился так долго, что какой-то шустрый воробышек успел усестись на стреле Гая Гисборна, в самой серёдке ивового кольца. Он чирикнул раз и другой, перескочил на стрелу тощего лучника и принялся щипать её оперенье. Это привело в восторг толпу, следившую за состязанием. Со всех сторон понеслись возгласы:

– Валяй, Билль, бей, не то он совьёт гнездо, прежде чем ты выстрелишь! Да, пожалуй, выведет птенцов!

Тетива прозвенела, и пёрышки взлетели над мишенью. Вычертив в воздухе правильную дугу, стрела вонзилась в шест, пригвоздив к нему воробья.

– Хороший выстрел, Билль, – сказал Маленький Джон. – Только если бы ты метил мне в сердце, я превратил бы тебя в ежа, прежде чем ты успел бы спустить тетиву. Нельзя ли очистить мишень от дичи? Я не охотник на воробьёв.

Остановившись в двух шагах от черты, Маленький Джон поднял кверху длинную тяжёлую стрелу и воскликнул, обернувшись к помосту:

– Эту стрелу посылаю не я! Эту стрелу посылает отец Тук из Аббатова Риптона по обету, данному им святому Кесберту!

Одно мгновение только помедлил стрелок. Снаряд, сработанный хрым стрельником из Трента, сорвался с тетивы и, блестя на солнце стальным наконечником, описал широкую дугу. И прежде чем зрители успели подивиться искусству стрелка, вторая стрела и третья прошли сквозь кольцо. С такой силой были пущены стрелы, что ни одна из них не засела в шесте: тяжёлые наконечники расщепили его, как тонкий прут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.